

25 АВГ 1974

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

г. МОСКВА

БЫВАЕТ, кинематографический дебют предваряет дебют театральный, принося в один день известность, которую театральным актерам приходится добывать всю жизнь. И чем дебют окажется успешнее, тем сложнее будет дальнейшая судьба дебютанта — таков неумолимый парадокс искусства.

Мы познакомились с Леонидом Харитоновым в 1954 году, двадцать лет назад, когда он снялся в фильме Владимира Басова «Школа мужества». О молодом актере тут же заговорили, его заметили, стали приглашать в другие картины. За первые пять лет он снялся в восьми фильмах, и среди них: «Сын», «В добрый час!», «Улица полна неожиданностей», «Солдат Иван Бровкин»...

Но чем дальше уходил актер от своего дебюта, тем яснее становилось, что звездный час его позади. Актеры балета с первых своих шагов в училище привыкают к этой мысли. Это не значит, что им легко к сорока годам перестать гонимые. Но тут есть какая-то всеобщая закономерность. Иное положение с драматическими актерами. Они ведь практически могут играть до самой смерти. Иные даже мечтают умереть на сцене. Как же должен был чувствовать себя Харитонов в тридцать — тридцать пять лет? Да еще после такого блистательно — головокружительно — го начала. Ведь когда человеку везет, он не думает о фатальности судьбы. Зато при первой же неудаче он же начинает жаловаться на несправедливость и изменчивость фортуны. И тогда все летит в тартарары.

Есть и другой, более трудный, но единственно правильный путь. Суметь посмотреть на себя и все вокруг чужими глазами. Понять, что молодость вернуть невозможно: нужно искать себя заново. Думается, этим путем и пошел Леонид Харитонов.

Начиная со «Школы мужества», он играл в кино своих сверстников, главным образом положительных героев, теперь эти роли играют другие актеры... Но только ли в возрасте дело? Или есть, с Вашей точки зрения, другие причины?

— Вопрос сложный. Ну, конечно, прежде всего ки-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Леонид
ХАРИТОНОВ

**НЕ НАДО ЖДАТЬ,
КОГДА РАБОТА
ТЕБЯ НАЙДЕТ...**

но — не театр. Возраст актера спрятать с помощью грима почти невозможно. Молодого актера загримировать под старика еще можно: играл же Н. Черкасов профессора Полежаева, а В. Марецкая — сельскую учительницу. И как играли! Но вот обратных примеров я не стал бы приводить. И не потому, что их не было. К сожалению, были...

Итак, первое обстоятельство мы выяснили. А вот второе — находится в полной зависимости от Госпожины случая. Увидит меня какой-нибудь режиссер, как в свое время увидел В. Басов, но уже в новом амплуа, и снова я буду сниматься. Не увидит, значит, не судьба. Разве мог бы состояться Е. Урбанский, если бы не Ю. Райзман?

Я снялся в семнадцати картинах, но, по существу, в большинстве этих фильмов играл одну и ту же роль, на которую первым меня выбрал В. Басов. Если бы я мог сохраниться в том возрасте еще на 10 лет, вероятно, меня по-прежнему приглашали бы на те же роли. Но теперь я жду новых. Правда, не только жду, но и пробую играть. Не в кино, а в театре.

— Коль скоро Вы заговорили о театре, накие Ваши роли канутся Вам наиболее значительными?

— Алешка Бронский в спектакле МХАТ «Дорога через Сокольники» В. Раздольского. Это моя первая большая роль в театре. Я

сыграл ее около 400 раз, спектакль имел большой успех у зрителей, но к нему, на мой взгляд, была несправедлива наша критика. Правда, не вся, но мне кажется, что никто из критиков, даже из тех, кто готов был поддержать эту работу, не понял главного смысла этой «невероятной истории», как определил жанр пьесы В. Раздольский. А он состоял в призыве к каждому из нас относиться друг к другу с большим чувством ответственности, чем мы это иногда себе позволяем. Кроме того, в этом спектакле вместе со мной и автором дебютировала тогда еще никому не известная Нина Гуляева, молодой художник Алексей Понсов, начинающий режиссер Виктор Монюков. Такое количество дебютов в одном спектакле — не каждый день бывает.

И последние работы во МХАТе — Лариосик в пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных», Чичиков в «Мертвых душах» по Гоголю.

На этой работе я хотел бы остановиться особо. Мне пришлось вводиться за очень короткое время, а роль — огромная и трудная. «Мертвые души» — один из величайших шедевров Гоголя и Станиславского. Во МХАТе все актеры играют реже, чем в других театрах: очень уж большая труппа. Я, например, всего третий раз получил здесь классическую роль. Да еще такую, в которой много раз видел В. О.

Топоркова, В. В. Белокурова и А. М. Комиссарова. Ведь я — четвертый Чичиков, родившийся накануне сорокалетия со дня премьеры, незадолго до 900-го представления. Быть первопроходцем трудно. Но не менее сложно играть после таких блистательных актеров.

Конечно, и на моей премьере в сентябре 1972 года, и сейчас, когда я сыграл уже первые двадцать спектаклей, работу нельзя считать готовой. Ведь такую роль за месяц не сделаешь, даже если мечтаешь о ней много лет. На каждом представлении я чувствую, как постепенно образ обрывает все новыми деталями, обнаруживая новые нюансы, словом, получаю большое удовольствие, и в связи с этим мне хотелось бы сказать, что, пожалуй, именно в работе над Чичиковым я не на словах, а на деле впервые почувствовал, как необходима для актера классика. Согласитесь, что, если вы часто играете в слабых пьесах, у вас обязательно вырабатывается чувство заметного превосходства над автором. Но ведь быть талантливым бездарности или посредственности — еще не значит быть талантом. А когда ты имеешь дело с настоящей ролью, гонор сразу слетает, и ты чувствуешь себя «голеньким». Ох, как нужны нам, актерам, настоящие роли, хотя бы раз в три года, если чаще не удастся. И классические, и современные.

— Много лет упорных, кропотливых внутренних накоплений, а значительные роли — от случая к случаю. Ведь Бронским артист, по сути, начинал, тогда как и Лариосику и Чичикову пришел совсем недавно. Важно, что пришел, но путь был нелегким, требовал упорства и мужества. Когда работа и в театре, и в кино не приносит удовлетворения, стал преподавать в школе-студии им. Немировича-Данченко, предварительно здесь же с отличием окончив аспирантуру по кафедре актерского мастерства. Кино, театр, педагогическая работа — не слишком ли много у Вас точек приложения?

— Я еще заядлый автолюбитель и эстрадник.

А точек приложения — ну, нет, думаю, не слишком много. Хуже всего, когда нет работы, а ты сидишь и надеешься, что она тебя отыщет.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

207